'Я знаю.' Она снова поцеловала его, дольше, чем обычно, прижавшись к нему, чтобы вспомнить, что он чувствовал, как раз в тот момент, когда он притянул ее к себе, затем она одарила его последней улыбкой и беззвучно исчезла.

Лишь бы втирать.

Гарри в последний раз окинул взглядом крошечный мир, который ему хотелось бы никогда не покидать, затем мир с тихим щелчком завертелся, и он вошел в кабинет Слизерина.

«Ты вернулся», — отметил портрет, пока Гарри проверял себя.

— Весь я, — решил Гарри, не найдя ничего пропавшего. Он не расщеплялся с тех пор, как в прошлом году аппарировал в Косой переулок, но осторожность стоила того.

— Чему ты собираешься научиться сегодня? Теперь все было спланировано, даже когда они развалились, под ними было больше планов. Пять слов превратились в пять тысяч, и он стал второй натурой воспринимать окружающий мир как волнующие действия других. Гарри пришел к выводу, что легче создать рябь, чем выдерживать ее в неведении. Салазар назвал это своим истинным характером, гордясь тем, что его наследники в конечном итоге переняли его образ мыслей, и приписывая безмозглую божественность влиянию Дамблдора.

— До приветственного пира осталось совсем немного, — сообщил ему Гарри, — так что ничего сложного.

— Приветственный пир, — размышлял Салазар, — уже начался, но ты даже не прошел и половины того, чему хотел научиться за лето.

'Что ж-'

«Вы сказали мне, что рассчитывали закончить всю работу уровня OWL по тем предметам, которые, по вашему мнению, отстали в прошлом году».

«В изучении окклюменции я опережаю то, что хотел, я догнал прошлогодний уровень, а по некоторым предметам я уже значительно преодолел уровень OWL», — возразил Гарри. — А ты бы знал, какой сегодня день и час, я купил тебе часы, это первое, что я сделал.

— Он сломался, — сказал ему Салазар как ни в чем не бывало.

Конечно, Гарри вспомнил. Магия здесь будет мешать электричеству.

— Моя точка зрения остается в силе, — продолжил Гарри, мысленно планируя покупку более старинного хронометра.

— Это хорошее замечание, — едко сказал Слизерин. «Вы преуспели в области, в которой мы всегда были исключительны, и забыли обо всем остальном».

— Это была самая важная область, — напомнил ему Гарри.

«Конечно, — продолжала картина, как будто не слыша, — если бы вы не проводили каждую секунду во Франции, у вас был бы еще год, чтобы изучить более интересные области магии».

Салазар слишком переживал, чтобы все было так, как должно быть.

— Чего я не знаю? он спросил.

— Хватит о магии, чтобы выжить или иметь шанс победить Волдеморта, — резко возразил портрет. — Ты естественным образом станешь сильнее по мере приближения к своему совершеннолетию или если решишь продолжать двигаться по страницам книг о ритуалах, но знание — часть силы, Гарри, и у него ее на десятки лет больше, чем у тебя. '

— У меня нет десятилетий, — чуть язвительно ответил Гарри.

— Вот почему ты не можешь позволить себе терять время. Он покачал головой, когда глаза Гарри сузились. «Я не говорю, что проводить с ней время — пустая трата времени, я лучше других знаю, насколько ценно такое время, но не забывайте обо всем остальном».

— Не буду, — заверил своего предка Гарри. «У нас есть план, — напомнил он картине, — на самом деле их несколько».

«Я полагаю, вы можете узнать о наиболее важных областях магии в наше время здесь, внизу», — решил Салазар. — Легилименция — это то, с чего мы должны начать. Риддл, как и вся наша семья, — Гарри поморщился, — был талантлив в искусстве разума. Вы должны быть в состоянии удержать его и использовать навык против его последователей.

«У меня нет безопасного способа проверить свою доблесть, — пожал плечами Гарри, — не иначе, как спровоцировав Дамблдора копаться в моей голове».

«Это плохая идея, — согласился Слизерин, — и вы не можете точно узнать, как я это сделал».

'Почему бы и нет?' — спросил Гарри.

— Я учился у сфинкса, — просто сказал он. Гарри моргнул.

Он прав.

— Это проверяло тебя? — с любопытством спросил Гарри, вспомнив сфинкса в лабиринте.

— Нет, — пожал плечами Салазар. «Сфинксы живут тысячи лет, но обычно они ведут затворнический образ жизни. Этот был заинтересован в нас, провел века, изучая, как мы думаем, по сравнению с тем, как он думал, я выследил его недалеко от византийского города Эфес и убедил его научить меня искусствам разума. В то время это была неизведанная ветвь магии, мало кто из волшебников этим интересовался, да и большинство до сих пор. Требуется определенный тип волшебника или ведьмы, чтобы понять и освоить это».

— Это меня проверило, — сказал ему Гарри.

«Вы встретили сфинкса?!» Картина от неожиданности выронила палочку.

— На турнире был один, — равнодушно пожал плечами Гарри.

— Сфинкс не соизволил бы принять участие в этом турнире, — покачал головой Салазар. — Им плевать на волшебников и их дела, не тогда, когда они могут в одно мгновение выкинуть из твоей головы все мысли.

— Что он там делал!

— Очевидно, тебя проверяют, — возразил Слизерин. — Это вам что-нибудь сказало?

— Загадка, которую я не понимаю.

«Ну, не забывайте об этом, — строго сказал ему основатель, — это, несомненно, будет иметь смысл, когда вам это понадобится».

«Тогда я научу вас принципам легилименции», — решила картина. «Тебе придется найти свой собственный способ проверить себя и свой прогресс».

'В настоящее время?' Оставалось еще немного времени, прежде чем ему пришлось прокрасться в Большой зал и притвориться, что он был в поезде.

— Я кратко представлю вас, — подтвердил Салазар.

Гарри сел за письменный стол, отодвинув в сторону стопку газет и мешок с галеонами.

— Легилименция не противоположна окклюменции, — твердо начал Слизерин. — Это обобщение, сделанное волшебниками, которые не понимают предмета. Окклюменция — это организация и контроль собственных эмоций, воспоминаний и мыслей, тогда как

легилименция — это искусство чтения и понимания чужих. Это совершенно другой принцип и гораздо менее очевидный.

У Гарри было искушение возразить, что и сфинкс, и Риддл были далеко не хитрыми в своих попытках использовать его против него, но он воздержался, потому что не было времени на опровержение и объяснение Салазара.

«Первый шаг — активная легилименция, заклинание — это легилименс, и для его поддержания требуется прямой зрительный контакт для тех, кто не является мастером искусства. Это не то же самое, что трансфигурация, вы не можете визуализировать это, ваше намерение должно быть полностью сфокусировано волей. Активная легилименция — это битва интеллекта и намерения. Разум — не прямой объект, вы не можете читать с его страниц, смысл и связь должны быть получены более абстрактными средствами, как и все лучшие области магии, — весело добавил Салазар.

— А пассивная легилименция?

«Более тонкий, незаметный для неосознанного аспект. Это расширение беспалочковой, бессловесной, активной легилименции, которую очень трудно освоить. Вы должны идеально найти лезвие ножа, легилиментарную атаку настолько легкую, что ее невозможно почувствовать, но достаточно сильную, чтобы скользить по поверхностным мыслям и эмоциям вашей цели. Картина задумчиво гладила свою змею.

— Я почувствовал это, когда Дамблдор попытался использовать это против меня? — спросил Гарри.

«Вы практикуете окклюменцию, вы гораздо лучше знаете свой разум, поэтому вы более чувствительны к таким атакам».

— В этом есть смысл, — согласился Гарри.

«Иди на пир, — вздохнула картина, — я вижу, как ты приближаешься к двери, как она есть».

Гарри одарил его грустной улыбкой, но ушел, махнув рукой на прощание.

«О, волна, — едко услышал он от картины, пересекая мост, — почему бы тебе не взмахнуть палочкой в сторону того василиска, которого ты до сих пор не снял?»

Гарри улыбнулся, остановившись перед разинутой пастью василиска и направив ему в горло тонкую струю дьявольского пламени. Жуткое красное сияние полилось изо рта и глаз мертвой змеи, посветлело до белого, затем ее чешуя затвердела, и все это рассыпалось пеплом.

Они мягко проплыли по комнате, оседая на пол, где Гарри испарился с ними.

— Привет, Миртл, — позвал он в туалет над комнатой.

Раздался громкий визг удивления, и жемчужная фигурка призрачной девушки пролетела сквозь стены двух кабинок.

— Гарри, — выдохнула она, краснея. 'Как вы сюда попали?' Студентам еще не суждено быть в замке, — лукаво прошептала она.

— Я пришел повидаться с тобой, Миртл, — улыбнулся он. «В этом году все будет сложно, он вернулся, тот, кто открыл комнату».

— Я думала, он умер, — Миртл побледнела и стала такой полупрозрачной, что Гарри едва мог ее видеть.

— Мне нужно, чтобы ты присмотрела для меня у входа, Миртл, — серьезным тоном спросил Гарри. — Скажи мне, если увидишь кого-нибудь рядом с ним или ищешь его, вообще что-нибудь подозрительное.

— Буду, Гарри, — пообещала она. «Я сделаю все, что в моих силах, чтобы убедиться, что он побежден».

— Спасибо, Миртл, — Гарри протянул руку и коснулся пальцем холодной щеки призрака, касаясь кончиком холодного отголоска жизни.

— В любое время, — пробормотала она, затем взвизгнула и нырнула обратно в унитаз.

Хороший. Теперь у меня стоит охрана на входе в камеру.

Он чувствовал себя немного виноватым за то, что обманул Миртл, но это была не совсем ложь, и ему нужна была пара глаз, чтобы убедиться, что он знает, нашел ли кто-нибудь, где он находится, или хотя бы начал искать.

Потребовался небольшой список заклинаний, чтобы убедиться, что он скрыт: заклинание разочарования, заглушающее заклинание и старая, довольно хитрая адаптация скрывающего заклинания, которое скрывало все, к чему он прикасался. Гарри подозревал, что он скроет следы, его запах и многое другое, но еще не проверял.

Он появился в толпе студентов, наводнивших зал, скользнул на место рядом с Невиллом и рассеял свои частички магии.

— Привет, Нев.

Застенчивый мальчик подпрыгнул на несколько дюймов, но не пискнул, как раньше. — Гарри, — улыбнулся он, нервно поглядывая туда, где Рон, Симус и Дин собрались вместе с Гермионой. Вся группа казалась более подавленной, чем обычно, Симус и Рон шептались друг с другом, но их разговор казался утомленным, как споры, которые они, вероятно, все еще имели о квиддиче, когда одни и те же моменты повторялись снова и снова.

Он беспокоится об их реакции на меня, понял Гарри.

— Не беспокойся о них, Нев, — успокоил он его.

— Они могут разозлиться, что я разговариваю с вами, — грустно сказал Невилл.

— Это заставит вас остановиться? — спросил Гарри, заранее зная ответ.

— Нет, — яростно отрицал Невилл.

— Тогда зачем волноваться?

Невилл, казалось, обдумал это, а затем усмехнулся. — Полагаю, что нет, это ничто по сравнению с тем, что писал о вас с Дамблдором «Ежедневный пророк».

«У меня очень хорошая коллекция заголовков, — улыбнулся Гарри. В зале у него было около двадцати копий, посвященных клеветнической кампании против любого, кто мог не согласиться с версией событий Министерства. Большинство статей были посвящены Дамблдору и его сторонникам в Визенгамоте, но упоминания Гарри обычно были столь же уничижительными, просто их было меньше.

«Мне пришлось снова заставить бабушку подписаться, чтобы я мог видеть, что они пишут».

Он поссорился с бабушкой?

Письма Невилла этим летом начали подразумевать определенный шаг в доверии, как с изменениями в формулировках, так и с тем, что слова стали более твердо написаны на пергаменте, но высказывание чего-либо против своей бабушки было далеко за пределами того, что ожидал Гарри.

— Рита Скитер — очень хороший журналист, — рассмеялся Гарри, — но ужасный человек. Интересно, как она узнаёт о некоторых вещах, которыми занимается. Ее статьи о некоторых наиболее откровенных сторонниках Дамблдора были довольно личными и неожиданными».

— Только не позволяйте ей узнать о ваших поездках во Францию, — очень серьезно предупредил Невилл, — вы знаете, что с этим сделает министерство.

Гарри знал слишком хорошо. Первая статья, та, что в самом низу стопки, была посвящена Святочному балу и свиданию, которым он наслаждался с Флер.

Французская вейла, есть несколько девушек, с которыми чистокровные фанатики не хотели бы общаться.

— Значит, ты возвращаешься в Гриффиндорскую башню? – настаивал Невилл.

Гарри сказал, что рассматривает это в своих письмах. Враждебность его соседей по дому угасла к концу прошлого года, но после лета, когда Министерство очернило его имя, он не был уверен, что это лучшая идея.

— Ты должен, — сказал ему Невилл, — ты не можешь продолжать пользоваться комнатой, это несправедливо, что тебе некомфортно в собственных спальнях.

«Я вернусь», — решил Гарри. Было бы лучше с самого начала вести себя как можно более нормально, чтобы избежать бдительного ока Дамблдора. Ему нужно было найти пророчество, и это было бы намного проще, если бы он уже не был под подозрением.

Где-то в передней части комнаты шляпа закончила петь, и кучка нервно выглядящих первокурсников начала рассортировываться. Гарри не особо интересовался сортировкой. Он уже знал, что если Волан-де-Морт и попытается добраться до него, то это произойдет через учителя Защиты от темных искусств.

Новым учителем, учитывая, что она была единственным новым лицом, была коренастая широколицая женщина, чья болезненная улыбка и ужасное розовое бархатное одеяние, вероятно, были чересчур даже для Риддла. Если он прятался где-то под всем этим розовым, то Гарри приподнял шляпу перед ним за то, что он сумел вынести унижение, которое должно было прийти вместе с этим.

Его внимание быстро переключилось с новой учительницы на внезапно появившиеся стейк и пирог с почками. Это неизбежно сопровождалось большим количеством продуктов, связанных с тыквой, чем он мог потрясти вилкой или когда-либо хотел съесть.

Дальше за столом Кэти, которая оказалась зажатой между близнецами, подмигнула ему и слегка помахала рукой.

Гарри вернул его с легкой улыбкой. Он скучал по своим друзьям, несмотря на компанию Флер. Буквы были просто не те.

Когда столы убрались, директор поднялся, чтобы говорить, подходя к кафедре с веселым блеском в глазах, как и каждый раз в течение последних четырех лет.

В отличие от предыдущих раз, он был прерван четким и точным прочищением горла новой учительницы Хогвартса. Гарри завороженно смотрел, как вместо этого начала говорить коренастая женщина в розовом.

— Меня зовут Долорес Амбридж, бывший заместитель министра и ваш новый профессор по защите от темных искусств.

Это было все, что Гарри хотел услышать. Ему не нужно было слушать ее болтовню о снижении стандартов и беспокойстве министров или возмущенное заявление Гермионы, чтобы понять, что должно было начаться в этом году.

Министерство боится влияния Дамблдора здесь.

Он не был так уж удивлен. Дети большей части волшебной Британии находились в этих стенах и во власти старого волшебника. Пожиратели Смерти Риддла и последователи Дамблдора в какой-то момент в течение последних нескольких лет вмешивались в дела школы. Министерство было последним на вечеринке, что было почти забавно, учитывая, что они были единственными, кому по закону разрешено действовать. Настоящая дилемма заключалась в том, как Гарри мог заставить это принести пользу ему и его поиску этого пророчества.

Амбридж села, и на ее широком бледном лице отразилась довольная ухмылка. Она была катализатором, решил Гарри. Ее характер и действия определят, что он должен будет сделать в этом году, чтобы получить то, что ему нужно. Он не будет ждать, пока Волдеморт придет и попытается убить его, или позволит Дамблдору перемещать его, пока он остается слепым, не в этот раз. На этот раз у него были свои планы, и они должны были осуществиться.

Дамблдор очень любезно поблагодарил нового профессора за ее слова, но блеск в его глазах исчез. Теперь в Хогвартсе было четыре стороны. Риддла, Дамблдора, Министерства и Гарри. Его преимущество заключалось в том, что все предполагали, что их будет трое.

Это как игра, усмехнулся он.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

http://tl.rulate.ru/book/50582/2106154